

Андрей СМОЛИН
ИЗБРАННОЕ

*Светлой памяти
Нины Николаевны Смолиной,
Георгия Яковлевича Смолина*

Вологда

2015

ОБОРВАННАЯ СТРОКА

(Слово об Александре Яшине¹)

Памяти

Валентины Станиславовны Старковой

Всякая круглая дата, а такая — всковой юбилей! — в особенности, вновь ярко высвечивает на экране времени имя того, кому довелось остаться в народной памяти. В 2013 году одно из таких имён — Александр Яшин!

Александр Яшин (Попов) родился 14(27) марта 1913 года, умер 11 июля 1968 года. Кто-то это и оспорит, но, по-видимому, он не вошёл в первый ряд русских писателей советской эпохи (но со «вторым рядом» так точно многие согласятся). Однако с течением времени получилось так, что Яшин один из немногих, кого широко вспоминают с очевидным отблеском высокой трагедийности литературной и земной судьбы.

Судьба — тут слово ключевое. Ещё с Пушкина стало очевидно, что русский поэт без трагической судьбы или (вспомним тут и Александра Блока) без ощущения предпачертанного свыше Пути, *как бы* и не состоялся, не будет навечно впечатан в историю русской литературы.

Да, номинально судьбу Яшина нельзя назвать трагической: он не был убит, арестован, не отбывал ссылку «во глубине сибирских руд». А жизнь его доверху полна невероятных испытаний духа, и это, несомненно, то, что заставляет вновь и вновь переосмысливать, казалось бы, уже давно подведённые итоги его творческой эволюции.

В чём тут дело?

Сейчас нет необходимости подробно говорить о биографии Яшина, она достаточно известна любителям его поэзии (впрочем, «белых» пятен в ней всё ещё хватает), но выделим несколько узловых моментов в его ипостаси русского поэта-гражданина.

Выходец из самой гущи русской народной жизни, Александр Яшин оказался между «молотом» своего сильного, своенравного, независимого характера и «наковальной» той грозной, но и прекрасной эпохи, в которой ему досталось жить. Но так выковывался стержень характера. Истоки яшинского мировоззрения надо искать в том явлении русской литературы, которое называют «почвенничеством». Ибо «почва» дала ему ту неповторимую стезю для творчества, которой он остался верен до конца своих дней.

Собственно, это началось прямо с юности, когда совсем подросток Саша Попов активно включился в коллективизацию, став искренним борцом с «мироедами и подкулачниками», не пожалел, вероятно, даже своих родных и односельчан, хотя бы в фельетонах и памфлетах, которые он на-

¹ Выступление на выездном секретариате Союза писателей России в Вологде «Неизвестный Яшин»

чал публиковать в конце 1920-х годов, являясь селькором уездной газеты. Свообразным отголоском тех лет является его поэма (скорее, рассказ в стихах) «Мать и сын» (1936), прообразами персонажей которой, что очень похоже, предстают его мать и отчим, а основной конфликт поэмы раскрывал противостояние частнособственнических устремлений матери и коллективистских идеалов сына — молодого учителя.

В этом узнаются черты биографии самого поэта.

Но неужели Яшин так поддался влиянию троцко-бухаринской идеологии, которая привела к этой самой коллективизации? Едва ли в юные годы он являлся глубоким критиком любых течений политической борьбы, но дело, на мой взгляд, сложнее.

Яшин, как потомок древнего крестьянского рода, всего скорее, мог быть приверженцем (может быть, и бессознательным) крестьянской общины, которую старательно начал рушить ещё Столыпин, возжелавший перестроить уклад сельской общины на «базисе» кулаков-фермеров. Но идеалы крестьянского мира долго хранились в преданиях русского земледельца. Особенно, на Русском Севере, где трудно было прожить вне общинного коллективизма. Тут сказался и личностный узел судьбы Яшина: именно по решению сельского схода (к тому времени — свособразного рудимента общины) Саша Попов был отпущен на учёбу, хотя этому упорно сопротивлялись мать Евдокия Григорьевна и отчим.

И, всего скорее, Яшин мог слышать сказания о Граде-Китеже, в котором для русского человека ярко обрисовалась мечта о «христианском социализме», где нет ни бедных, ни богатых, а есть мир праведных и добронормальных людей, для которых десять заповедей христовых — основа морали и повседневного поведения. По-видимому, став вынужденным атеистом (такова была эпоха), он нёс в себе и так называемое «народное богословие», в котором соединились славянские языческие верования с канонами православия.

На мысль об «общинном» образе мышления молодого поэта наталкивает стихотворение «Вдова», теперь почти неизвестное, а опубликовано оно ещё в первом московском сборнике Александра Яшина «Северянка» (1938). Сюжет его трагичен: умирает кормилец многодетной семьи, и вдова Авдотья Григорьевна начинает старинный обряд прощания с причитания:

— Ох, не тень от тучи на луга легла,
Да не чёрный ворон на пень-колоду сел. —
Опустилось на мою, на бедную голову
Горе великое, печаль-кручина...

В данном случае не столь и важно стилизация ли это или цитата, хотя очевидно, что северный фольклор настолько близок Яшину, что он применял его парафразы охотно и много. Молодой поэт явно завязывает сюжет с «предания старины глубокой», наметив связь настоящего времени с эпохой, когда уход кормильца мог стать началом крушения семьи, потому

так безнадежно и рыдает вдовлица... Велико её горе, она ощущает себя брошенной, забытой людьми.

Но вот произведение наполняется ролевыми персонажами: на плач вдовы зашли в избу соседи, во дворе пять колхозных парней сколачивают домовину, бабы ухаживают за скотиной... Зашёл председатель, сообщив Авдотье, что детей пристроили в детсад, что «хватит у нас отцовской любви не на один пяток ребятишек»... И: «смотрит Авдотья свои собралась, свои по селу, свои по бригаде. Слово б от сердца и отлегло...»

Яшин показывает, что даже неизбежное личное горе поглощается коллективным соучастием, искренней помощью «общества», никакой человек не может быть брошен, как тогда говорилось, на произвол судьбы. Тут стиль нового, уже колхозного быта, а это для него самое главное!

Мало кто знает, что через двадцать лет поэт снова вернётся к этому сюжету. Стихотворение называется «На семейном празднике» (цитирую по сб. «Советский человек», 1952). Яшин изменил имя героини, назвав её Марфой Павловной Ильиной, но в стихотворении есть самоцитата из «Вдовы», да и другие реалии говорят, что речь снова идёт о семье его матери. Так вот, а в семье-то праздник под бутылку вина — «золотое сиянье юга»:

Нет угла и в лесной глуши,
Где б за Ваше, товарищ Сталин,
За здоровье
От всей души
Первый кубок не поднимали...

А что хоть празднуют-то? Да, двадцатилетие вступления в колхоз! Заметим, празднуют, не слёзы горькие льют: «Двадцать лет, родные мои, как деревня колхозной стала. Я иной судьбы для семьи никогда бы не пожелала...», — так говорит Марфа Павловна. И дальше идёт рассказ счастливой колхозницы о своём житье-бытье, которая в чувственном порыве отправляет телеграмму в Кремль:

Вижу:
Красная площадь. Луна.
Над Кремлём неоглядные дали.
Льётся тихий свет из окна.
Телеграммы читает Сталин —
И от Павловны есть одна.

Тут подходим к теме, на которую и поныне в разговоре об Александре Яшине наложено своеобразное «табу». Кто и когда это сделал ныне неведомо, но этим вычеркнут целый пласт из поэзии поэта-вологжанна.

Образ Сталина (иногда — рядом с Лениным, но это редко) — один из ключевых в поэзии Александра Яшина конца 1930-х — начала 1950-х го-

дов. При этом поэт не выражает своего личного отношения к руководителю страны (возможно, где-то в стихах для газет можно найти и такое). Яшин, чаще всего, раскрывает образ вождя через мировосприятие ярких представителей русского народа.

Вот совершенно прекрасное стихотворение «Слово охотника» (сб. «Стихи разных лет», 1947), хотя оно написано в 1939 году. Янин от богатства своих изобразительных средств и глубоких жизненных впечатлений долго, с любовью рассказывает о старом охотнике, об его трудной жизни, о мудром и честном мировосприятии жизни человеком, многое повидавшем на своём веку.

Итак, на охоте добыт прекрасный бобёр: «А, знать, родовит... До чего блестят! Заиндевел будто». И думает старый охотник по доброте душевной: кому бы преподнести бобра в подарок? Да, есть такой человек:

Уважьте, товариш Сталин, народ.
Взгляните, сколь на бобре серебра!
Носите, товариш Сталин, бобра:
Тепло, и к шинели вашей пойдёт.

«Ну, а если не воротник, то сошью для него пимы», — думает старый охотник. — Носите, товариш Сталин, нимы — ноге в пимах, как рыбе в воде».

Тайга! Далеко отсюда Москва.
А думы и здесь об одном — о нём,
И небо такое же, как над Кремлём...
Одним человеком земля жива.

А вот ответ тем «борцам» со Сталиным, которые утверждают, что красноармейцы не шли с его именем в атаку. Это написал человек, который пережил самые трагические моменты Великой Отечественной войны — Ленинградскую блокаду, Сталинградскую битву, пусть не в окопах, пусть только фронтовым газетчиком и политработником, но это — честный и умный свидетель того времени (из сб. «Красная Горка», 1942):

С именем Сталина шли мы в схватки,
Гнали врагов штыком и огнём.
Класть немчуру на обе лопатки
Нам помогала память о нём...

Не удержусь, чтобы дополнить тему и ещё одной цитатой из яшинских стихов, уже мирных дней. Читаем стихотворение «Настоящая свобода» (сб. «Советский человек», 1952)! Вот так-то! Яшин акцентирует слово «свобода». казалось бы, на поверхностный взгляд странным эпитетом — «настоящая», а какая свобода ещё может быть! Был ли это идео-

логический штамп того времени? Или это действительно ощущение подлинной демократии?

Но вот очередной лиро-эпический репортаж, жанр столь любимый Яшиным в послевоенные годы: выборы в Советы, правда, не уточняется какого уровня. Стихотворение написано, если можно так сказать, празднично, с юмором, с восторгом от народного единения: «Было принято решение: на подводах всем селеньем выехать голосовать». Тут же авторский комментарий: «Как уверенно и гордо здесь, у нас, в лесном краю, настоящая свобода носит голову свою...»

По сути, поэт передаёт здесь высокий дух (уверен, нужно поставить синонимически — русский дух!) народа-победителя не только в жесточайшей войне, но и подлинное ощущение каждого человека, ответственного теперь и за свою личную судьбу, и судьбу всей страны одновременно! А один из идейных центров стихотворения таков:

**Шёл народ голосовать
За людей надёжных, стойких,
За Отчизну — нашу мать,
За её большие стройки,

Чтобы в лучшем из веков
Войны впредь не повгорялись,
Чтобы Сталин был здоров,
Чтобы все мечты сбывались.**

Да, Александр Яшин — искренний сталинец (но — не сталинист, почувствуйте лексические нюансы), коммунист, советский человек, творец своей эпохи — какие тут ещё могут быть сомнения!.. Самоценность образа вождя раскрыта отчётливо-ярко, но и этим поэт предстает перед нами служителем Державы, истинным государственным, духовным воителем за народные ценности, которые возродило в каждом человеке родное Советское государство.

Почва и Держава — вот истинные опоры Яшина и в поэзии, и в жизни того времени.

Заострим тему. Ну что, будут вопрошать ярые антисталинисты, а на поверку предатели нашей (для многих из нас) Родины — Советского Союза: ещё один миротворец сталинской эпохи? Такие писатели, как Яшин, закрывали уши и глаза, чтобы не слышать и не видеть подлых деяний этого «палача» советского народа? Значит, и Яшин (пусть косвенно) являлся пособником «тирана» в его злодеяниях? (Надеюсь, понятно, что «тиран» и «палач» не зря стоят в кавычках, у тех ещё «ребят» есть определения для Сталина и более гнусные.)

Во-первых, конечно, не следует прямолинейно объединять кругозоры автора и лирических героев его произведений. Это аксиома (хотя и много раз оспоренная) в любых разговорах о конкретных произведениях литера-

туры и мировоззренческих позициях их создателей. Говорится это, естественно, не в оправдание личных убеждений Яшина. Из воспоминаний его современников хорошо известно, что поэт с юных лет обладал независимым и твёрдым взглядом на жизнь и литературу, поэтому нет сомнений, что он отчётливо понимал, что и как нести в стихах нашему народу.

Во-вторых, Александр Яшин с 1935 года входил в столичный круг писателей, а среди его хороших знакомых в те годы были видные литераторы: Александр Фадеев, Константин Симонов, Илья Сельвинский, Владимир Луговской, Людмила Татьяничева, многие однокашники по Литературному институту, который всегда был одним из центров литературной жизни Москвы. Предположить, что Яшин ничего не слышал о печальных судьбах (имён назвать можно много), но, например, Бориса Ручьёва или Ярослава Смелякова, Павла Васильева или Бориса Корнилова... — это, согласитесь, что-то из области ненаучной фантастики.

И всё равно:

Произношу:
— Всегда он будет чистым —
Мой большевистский,
Ленинский билет!

Я в этом клятву Сталину даю
На жизнь,
На смерть
На вечность — как в бою!

Эта цитата уже из послевоенной поэмы «С Лениным» (сб. «Советский человек», 1952), но какова убеждённость автора в своей правоте! Яшинотчётливо понимал и роль Сталина и в укреплении Державы, и в обновлении самой партии, когда в неё влилось огромное количество настоящих фронтовиков, что значительно изменило её идейное качество, явив стране по-настоящему русскую патриотическую организацию.

Например, ещё в 1945 году, готовясь выступить на секции поэзии Московской писательской организации, Яшин записывает в конспект: «...В русской поэзии работает очень много поэтов нерусской национальности, которые зачастую клянутся русским народом, его историей, культурой, но не чувствуют духа русской национальной поэзии. Боюсь, чтоб в наш век интернационализма мы не утратили способности дорожить своей самобытно-национальной поэтической культурой».

Даже в летаргическом сне представить нельзя, чтобы Яшин в те годы написал что-нибудь вроде этого:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца...
(Осип Мандельштам)

Как поистине народный поэт Александр Яшин как раз твёрдо стоял на родной земле, он и в поэзию пришёл, чтобы говорить от имени народа и для народа в полный голос, во весь размах своего самобытного таланта.

Доподлинно известно, что в горестные дни начала марта 1953 года он взял всю семью с малолетними детьми, чтобы поехать в Колонный зал Дома Союза проститься с одним из величайших людей XX века, да и всей русской истории тоже.

Что же случилось дальше?

А дальше-то и начались «репрессии» против Яшина. Его, понятно, не вызывали к следователям госбезопасности, но ему стала мстить та часть литераторов, явных наследников приснопамятного Леополяда Авербаха и подобных ему. Очухавшаяся от страха перед Сталиным либеральная тусовка, как это уже было в 1920-е годы, опять вышла на борьбу с подлинными русскими писателями. Яшина перестают печатать, семья впадает в крайнюю бедность. Характерно, что после XX съезда Яшин не поверил в разоблачения Сталина, которые сделал Хрущёв. Есть запись в дневнике, где он это слово «разоблачения» берёт в кавычки, тем самым подчёркивая свою неприязнь к первой «десталинизации» после 1956 года.

Опубликованные по крупицам записи из рабочих тетрадей Яшина после 1953-го года говорят о том, что он ненавидит раздувающийся «культ личности» Хрущева («была бы личность?»). Он видит теперь в великой Державе страну, в «которой разными постановлениями постепенно заменили почти все законы», где «государственный аппарат небывало разбух», что снова «шаманы повступали в партию и в комсомол — и продолжают заниматься своим делом»... Не буду сейчас расшифровывать, кого эзоповым языком Яшин называет «шаманами»...

Яшин пишет своеобразный ответ Мандельштаму, используя даже ту же стиховую конструкцию и образный ряд, но, заметьте, уже из 1958 года, когда как стихотворение второго было написано в 1938 году:

**Мы неполной жизнью живём
И неполной грудью дышим,
Вполуголос несни поём,
Даже письма с оглядкой пишем.**

**До чего ж мы были просты
С нашей верой беспросветной,
С нашей преданностью несусветной,
Доходившей до слепоты!**

**Зарубцуются ль в сердце моём,
В слабом сердце
Рваные раны?
Мы двойною жизнью живём,
Потому и стареем рано.**

Принято считать, что это какой-то пересмотр идейной позиции поэта в послесталинский период. А на самом деле тут горькое сожаление, что ниспровергаются идеалы молодости и великой Победы, той самой настоящей свободы, которая была всего лишь несколько лет назад, что не увидели настоящие патриоты Родины скрытых врагов, умеющих приспосабливаться и таить свои замыслы многие годы. Яшин видит, что так называемая «оттепель» (а термин этот ввёл в оборот Илья Эренбург) — гнилая, а «плодами» её воспользовались всяческие проходимцы, которым дела нет до страданий и чаяний своего народа. Это же касается и всяческих дельцов в русской литературе.

Конечно, Яшин во многом пересмотрел и своё отношение к «культу личности» Сталину, но пересмотрел по-своему, по-яшински, никогда не опускаясь до откровенного антисталинизма, как это сделала самая продажная часть советской интеллигенции.

Он не верит словам Хрущёва о коммунизме, ибо (цитата): «В коммунизм по-настоящему верят только поэты!» Только они могут представить гармоничный и светлый, порядочный мир свободных и честных людей. Понятно, не все поэты, а только подлинно народные, национально ориентированные, ибо в литературной среде (но и не только, вообще в элите послесталинской эпохи) царит откровенная вражда двух сил. Яшин отмечает в 1964 году: «Жестокая двулика эпоха. Два лагеря, два мира — их и наш. Порядочность и подлость, бесчестье. Есть относительность и абсолютность. Продажность и неподкупность. Безверие и вера, смех и грех. Но это доступно и понятно не для всех... Есть мир и антимир... Как хорошо в лесу».

Не буду сейчас расшифровывать символику этих размышлений Яшина, это требует большого и долгого разговора. Но ещё небольшая цитата: «Ужасен литературный язык без национального колорита, этакий общеевропейский, вполне грамотный, но вроде эсперанто. У нас появились даже поэты, и довольно популярные, с таким среднеевропейским, переводческим языком, поэты-роботы».

* * *

...Но — «как хорошо в лесу»!

В последние годы жизни Яшин вновь обращается к своим истокам человека Природы, к идеалам сельской общины. На родной земле он обретает новую творческую силу, но о последнем периоде жизни Яшина написано много, и мне не следует повторяться.

Великий был человек — Александр Яковлевич Яшин, настоящий русский человек и поэт... Вот об этом и будем помнить.

2013